

Ефим Янкелевич

**Дорога длиной в сто лет.
Книга 1. Откуда мы пришли**

«Издательские решения»

Янкелевич Е.

Дорога длиной в сто лет. Книга 1. Откуда мы пришли /
Е. Янкелевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837883-6

Перед вами — первая из двух книг воспоминаний семьи Янкелевич-Ферман. Она представляет собой тематически и хронологически упорядоченные воспоминания Ефима Аврумовича Янкелевича и его родителей — Аврум-Арона Львовича Янкелевича и Фаины Исаевны Ферман. Воспоминания охватывают период с конца XIX по середину XX века и являются уникальным документом, живописующим быт и нравы сразу нескольких эпох и территорий. Воспоминания будут интересны всем, кто интересуется историей XX века.

ISBN 978-5-44-837883-6

© Янкелевич Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Часть I. Наша жизнь в местечках до и после революции	10
Воспоминания папы о его детстве и юности	11
Родители	12
Мои братья и сестры	13
Учеба у директрисы	14
Юкл женится	15
Я в «детстве»	15
Земская школа	16
Мои первые заработки	17
Первое собственное дело	19
После смерти отца	20
Бандитизм	20
Шпола	21
Воспоминания мамы о ее семье и их жизни в Добровеличковке	23
О моих предках Ферман	23
Дедушка Герш	23
Теплые слова о бабушке Эстер	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дорога длиной в сто лет

Книга 1. Откуда мы пришли

Ефим Янкелевич

Редактор Михаил Байтальский

© Ефим Янкелевич, 2017

ISBN 978-5-4483-7883-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Всем членам нашей семьи: живым и мертвым – посвящаю!
Ефим Янкелевич*

От автора

Перекати-поле – травянистые растения степей и пустынь, приобретающие шарообразную кустистую форму. Наземная часть после созревания плодов отламывается от корня и, гонимая ветром, катится в виде клубка, рассеивая семена.

Большой энциклопедический словарь

Пришло время вступить в сражение с силами забвения.

В. Гроссман

Уважаемый читатель!

Перед Вами воспоминания мои и моих родителей за более чем 100 лет. Цель написания этих воспоминаний – рассказать потомкам о нашей нелегкой жизни. Уже сейчас члены нашей семьи живут в четырех государствах, на трех континентах: США (Северная Америка), Израиль (Ближний Восток, Азия), Украина и Россия (Европа). Чтобы нашей семье, уже сейчас разбросанной по трем континентам, не потеряться на Земле, как пылинке и не раствориться во всеобщем плавильном котле, я и решил написать эту книгу.

Если у какого-то из моих потомков возникнет желание поклониться своим корням, то он не сможет найти не только их могильные камни, но, зачастую, и сами кладбища. Мой дедушка Лейб похоронен в селе Ивановка, дедушка Амшей, прадедушка Герш и прабабушка Эстер – в местечке Добровеличковка, бабушка Ханна – в городе Новоукраинка, прадедушка Хаим-Цуди и прабабушка Идес – в Кировограде, их дочь бабушка Брана, мой папа Абрам, дядя Абрам и обе его жены: Нина и Рива, Або – муж моей тети Лизы и его родители Меир-Лейзер и Рахиль, родители моей жены Лили: Зельман и Анна, их дочь Бэлла (сестра Лили), отец моего зятя Бориса – Николай, отец Виктории Байтальской – Абрам и отец Аси Янкелевич – Евгений – в городе Харьков. Рахиль (Боба) Львовская (Ферман) в Москве, отец Гени Янкелевич – Волько – в Вене и, наконец, моя мама Фаня, брат Геннадий и тетя Лиза, а так же отец Беллы Бейлиной Мирон, мать Виктории Байтальской – Сусанна – в г. Кливленд, а Колмен-Лейб Бавский и его сын Эдвард – в г. Канзас-Сити (США).

Итак, только мне известные члены нашей семьи похоронены в четырех странах и девяти населенных пунктах. А где братья и сестры моего отца и их семьи? Чем не перекати-поле?

Одна из целей этих записок – создать как бы виртуальный фамильный склеп для наших потомков. Кроме того, если эти записки будут опубликованы, возможно найдутся, потерянные для меня, некоторые из членов нашей семьи. Очень жаль, в то же время, что язык, на котором я пишу, уже сейчас является иностранным для подрастающего поколения.

Необходимость в этих воспоминаниях возросла тем более теперь, когда семья разобщена и разбросана по разным городам и странам. Тип «Ивана, не помнящего родства» широко распространен в современном мире. Я поверхностно знаком с несколькими американцами моего возраста. Большинство из них мало что знает о своих дедушках и бабушках и откуда они прибыли в Америку. Эта же участь неизбежно ожидает и моих потомков.

Что случилось? Почему я пишу?

В моих руках оказались бесценные для меня несколько школьных тетрадей с воспоминаниями родителей об их жизни, начиная с их детства. Эти воспоминания дают нам возможность заглянуть в наше прошлое еще на одно, для меня, поколение, а для вас, читающих эти строки, на два и более, и узнать – кто же мы и откуда?

Дорогой читатель! Описанное ниже многим может показаться перегруженным деталями. Я лишь старался не упустить ничего из того, что хотели передать мои родители их потомкам, и не выбрасывал ничего существенного из написанного ими. На мой взгляд, все эти штрихи из их жизни дают возможность лучше заглянуть в то далекое, неизвестное нам прошлое, в жизнь евреев в черте оседлости царской России, в этом огромном гетто. В этом гетто евреи были лишены возможности получить образование и работу, что хорошо видно из воспоминаний папы. После крушения царизма, когда черта оседлости была упразднена Временным правительством, семья разлетелась в разные стороны.

Винюсь! Эти записки следовало было сделать раньше, хотя бы при жизни мамы, тогда не было бы множества неясностей. Например, о родственных связях с Первомайской ветвью Ферман, а так же на каком языке евреи общались с окружающим населением, в основном крестьянами. Во всех записях и папы, и мамы значится русский язык. И все же трудно поверить, что крестьяне в Украинской глубинке общались на русском языке. Хотя все может быть. Приведу интересный факт. Только в 2004 году я от моей тети Лизы (умершей 15 июня 2004 года) узнал, что она, до приезда в Харьков в возрасте 17 лет, не знала русского языка. Что в 1932 году, в Добровеличковке, она закончила школу с семилетним обучением на языке идиш. И, приехав в Харьков, она поступила на ФЗО (фабрично-заводское обучение) при заводе, где для группы еврейских молодых людей преподавание велось тоже на языке идиш. Ну и ну! А спустя каких то 5—6 лет знание идиш уже было подозрительным для властей и общаться на нем на людях было неприличным.

Если эти записки при жизни папы сделать было не легко, так как тогда я работал, создавал семью и воспитывал детей, и, что очень важно – это была относительная, может быть бездумная, молодость, то уже здесь в Америке, при жизни мамы, я вполне мог их сделать. Тем более, что и компьютер, при жизни мамы, я мог иметь, не дожидаясь пока мне его подарит, к большому сожалению ныне покойный, мой дорогой брат Геннадий.

Когда я начинал этот труд, то думал только о том, чтобы сохранить воспоминания моих родителей, оставленные ими в виде рукописей в нескольких школьных тетрадях. Потом я решил, что будет неплохо, если я дополню их своими воспоминаниями. Тогда я еще не представлял себе, во что они выльются.

В результате получилось две книги, вобравшие в себя наши с родителями воспоминания, охватывающие период времени с конца XIX по конец XX века, а также мои очерки, посвященные членам нашей семьи, нашей работе, детям, друзьям, путешествиям и эмиграции в Америку. Дополнительно, в конце второй книги, в виде таблиц и генеалогического дерева сведена информация об известных мне членах нашей семьи.

В начале работы над воспоминаниями родителей у меня неоднократно возникал вопрос: «Что побуждало их писать свои воспоминания?» Ведь большинство людей этого не делает. А теперь задумался и я: «Что заставляет и меня писать мои воспоминания?»

Возможно, все дело в мысли, содержащейся в приведенном выше эпиграфе замечательного советского писателя Василия Гроссмана – сохраняется только то, что записано.

Мне известен также призыв знаменитой русской поэтессы Марины Цветаевой ко всем людям: «Через пятьдесят лет все мы будем в земле. Будут новые лица под вечным небом. И мне хочется крикнуть всем живым: Пишите! Пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! Записывайте точнее! Нет ничего неважного».

Этому призыву подчиняюсь сейчас и я, а мои родители делали это интуитивно, даже не подозревая о приведенных мною выше мыслях известных писателей.

Я уверен, что эти записки являются как бы их исповедью-завещанием. Еще при жизни родители дали мне прочесть свои воспоминания, а я давал их читать своим братьям – Лене и Геннадию, но особых эмоций они у них не вызвали. Прочли и приняли их к сведению

в водовороте текущей жизни. На обложке одной из тетрадей у мамы есть незаконченная фраза: «Потомству моему...». А папа написал: «Дорогие дети и внуки, что бы вы меня поняли».

И еще. Это упорядоченные записи, которые пишутся наедине с самим собой и, приносят большей частью сладостные, а иногда и горькие воспоминания о прожитой жизни. Это беседа с самим собой.

Уже обрабатывая мамины записки восьмидесятых годов я наткнулся на следующее: «Пишу в день рождения Фимы – 6 февраля 1988 года. Я себя плохо чувствую, поэтому не пошла к ним на его именины». Вот так, написанием этих мемуаров, она отметила день рождения своего сына более, чем 20 лет тому назад.

Я постараюсь не опустить ничего существенного из воспоминаний родителей, да и своих тоже. Работая над этими воспоминаниями, я с удовольствием окунаюсь в свое детство и юность и испытываю при этом ни с чем не сравнимое блаженство.

Большая часть первой главы этих воспоминаний «До моего рождения» была опубликована в интернет-журнале «Заметки по еврейской истории» в номерах №46, 47, 49, 50, 51 начиная с 17 сентября 2004 года (адрес журнала: <http://bercovich-zametki.com>).

По этим воспоминаниям я получил письма благодарности от потомков упомянутых в них людей. Привожу их здесь.

«Воспоминания Вашей мамы один из лучших подарков в моей жизни. Я его разделю с детьми и внуками. Ваша мама жила по соседству с моим дедушкой, дружила с моей тетей и была ровесницей моего папы. Нет слов, чтобы выразить благодарность Богу и Вам. Из прочитанного, я впервые узнала о жизни моих родственников. Спасибо за Ваш труд, который обрадовал меня на всю оставшуюся жизнь!»

Сима Грабовская, внучка Шлемы Грабовского (Сан Франциско)

«Уважаемый Ефим!

Меня зовут Лариса Береславская. Я внучка Мотла Грабова (будничного кантора) и племянница Симы Грабовой, с которой Ваша мама дружила. Спасибо Вам за ваш труд!»

Лариса Береславская (Нью Йорк)

Кроме того, я получил запрос родственника фельдшера Цанка, упомянутого в маминых воспоминаниях.

Эти письма – лучшая награда для меня.

Выношу благодарность моей жене Лиле и дочери Лене за редактирование и корректировку этих воспоминаний. Особую благодарность заслуживает моя внучка Яна, обработавшая полностью альбом фотографий и создавшая условия для издания воспоминаний в компьютерной форме.

Ниже я привожу упорядоченные мною воспоминания родителей и дополняю их своими. Для лучшего понимания молодым поколением текста ушедших времен, я сопровождаю его своими комментариями. Комментарии я выделяю курсивом.

Часть I. Наша жизнь в местечках до и после революции

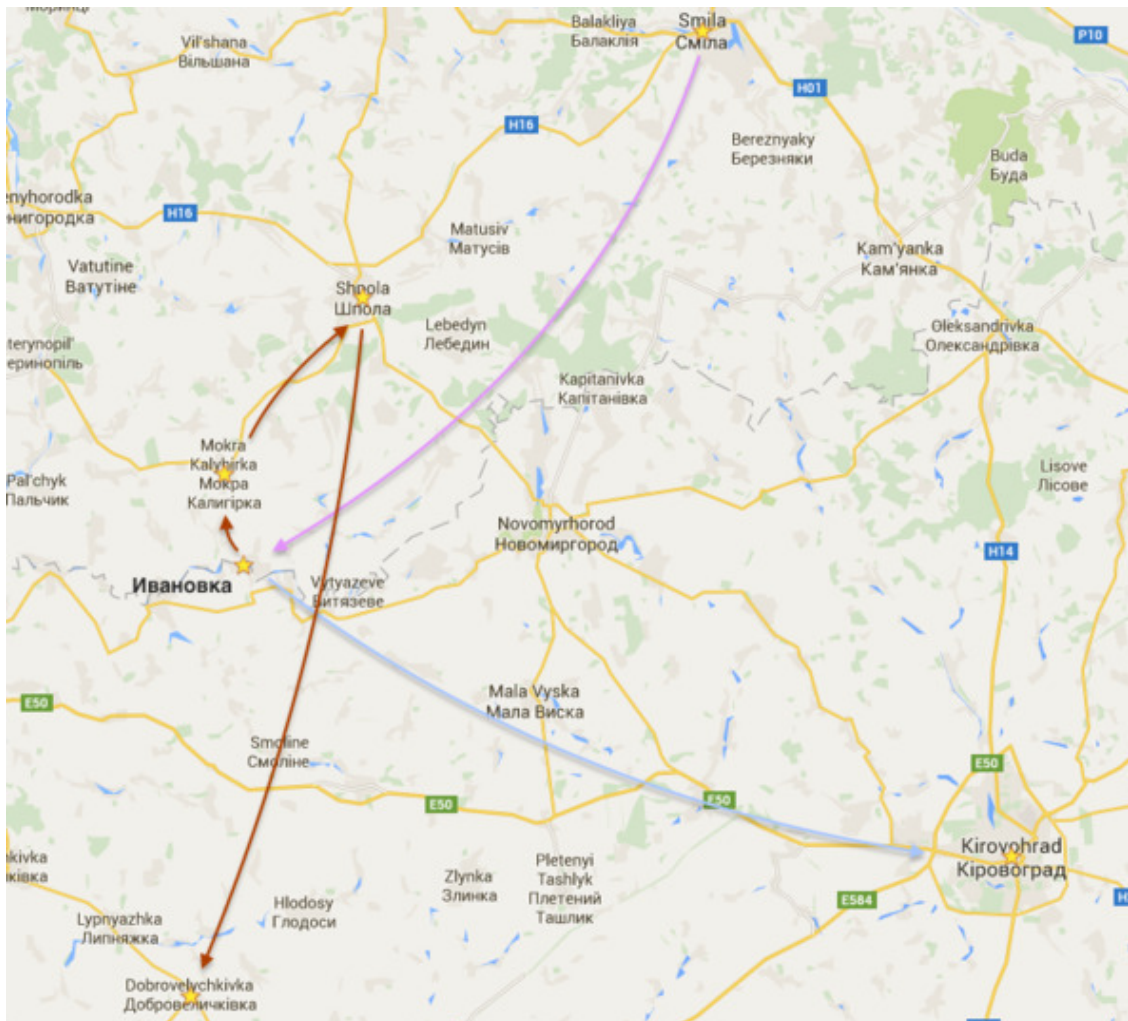
В этой части будут приведены фрагменты воспоминаний моих родителей, рассказывающие о нашей жизни в еврейских местечках черты оседлости.

Многие еврейские фамилии происходят от библейских имен. Янкелевич – это форма имени Янкель (уменьшительно-ласкательное на идише от Янкев, соответствующее русскому Яков или древне-иудейскому Иаков), к которому добавлено славянское окончание, означающее «сын». Иаков, третий патриарх, был младшим из близнецов, родившихся у Исаака и Ревекки. Его имя отражает тот факт, что при рождении он держался за пятку (акев на иврите) своего брата Исава (Бытие, 25). После его борьбы с ангелом (Бытие, 32) он был наречен Израилем. Фамилия Ферман вероятнее всего ведет свое начало от двух немецких слов: ver (e) «паром» и тап «мужчина», исходя из чего, можно предположить, что основатель рода Ферман был паромщиком.

Воспоминания папы о его детстве и юности

Я, Аврум-Арон Львович Янкелевич родился 7 сентября 1892 года в землянке родителей на окраине села Ивановка.

В то время село Ивановка находилось в Акимовской волости, Елисаветградского уезда, Одесской губернии, внутри черты оседлости (*В царской России «черта оседлости» – граница территории, за пределами которой запрещалось селиться евреям. Волость – единица сословного крестьянского управления, уезд – низшая административная единица, а губерния – основная административно-территориальная единица царской России. В настоящее время Елисаветград называется Кировоградом*).

Карта Кировоградской области, где указаны основные упоминающиеся в тексте населенные пункты и наши перемещения между ними

Я был последним, шестым, ребенком в семье, что на идиш называется «*мизиньк*». И как все мизиньки я был любимцем родителей.

Какими мне запомнились мои братья и сестры? Старшего брата звали Мотл. Это был высокий, худой парень, совершенно неразвитый умственно и совсем неграмотный. Второго звали Муня. Муня был более развит, чем Мотл, но тоже неграмотный. В то время у мужчин евреев знание молитвы была абсолютно обязательным. А для этого необходимо было уметь читать хотя бы Тору. Мужчину, не умевшего молиться, все окружение просто презирало. Тре-

твѣй была высокая, красивая сестра Сарра. Четвертого брата звали Юкл. В отличие от старших братьев, это был развитый и довольно грамотный парень. Пятой была сестра Рахиль. Рахиль была и ниже ростом и менее красива, чем Сарра. Обе девочки были неграмотными. В те времена девочек учили грамоте только в зажиточных семьях.

Опишу коротко землянку, в которой я прожил от дня рождения практически до своего 25-летия. Она была врезана в косогор холма на краю глубокого оврага. Для предотвращения попадания в землянку дождевых и талых вод, вокруг нее был прорыт канал шириной метра два. От этого канала до оврага была прорыта канава для стока воды. И все же землянку часто заливало. От входной двери нужно было спуститься на две ступеньки вниз, чтобы попасть в небольшой коридор, в конце которого размещалась небольшая кладовка. Справа от входа была дверь в комнату. Комната была большой, примерно 25 квадратных метров. Причем больше половины комнаты занимала русская печь. Между наружной стеной и печью оставался проход примерно в метр. Это было подобие маминей кухни. К печи справа, примерно с метр высотой, была пристроена глиняная ступенька, которая называлась припечком. С этого припечка все дети забирались на печь. Впритык к припечку стояла родительская кровать. У противоположной стены стоял деревянный помост – нары. На этих нарах спали все дети. Посредине комнаты стоял стол и всего один табурет (стул без спинки). Вот и вся наша мебель.

Родители

Моего отца звали Лейб Мотлович Янкелевич, а маму Ханна Ефимовна. Зарабатывал тогда на жизнь только отец, так как у мамы было шестеро детей мал мала меньше, да и вообще еврейские женщины тогда, как правило, не работали. Правда, когда дети подросли, мама стала подрабатывать грошовой торговлей.

У отца было множество профессий и, несмотря на то, что он был трудолюбив, он не в состоянии был хоть как-то прилично обеспечить семью.

Отец занимался извозом (у него была лошадь и подвода), он был большим специалистом по лошадям и консультировал крестьян при покупке лошадей, был костоправом (*т.е. лечил всевозможные вывихи*), осенью и в начале зимы был решетником и владел многими другими промыслами. Опишу некоторые из них.

Что такое решетник? Эта работа была востребована после сбора зерновых. У украинских крестьян был специальный хозяйственный сарай, который назывался клуней. Во избежание порчи зерна от дождей и непогоды туда свозили зерно после обмолота. Там же находились закрома для хранения чистого зерна, а так же солома и сено для скота и прочее, например, тыквы. При относительно невысоких стенах, соломенная крыша поднималась метров на пять. Перед засыпкой зерна в закрома или перед продажей крестьяне очищали его. По заказу крестьянина, папа запрягал подводу и укладывал в нее основное средство производства – решето (сито) с канатами для подвески. Приехав к своему заказчику, он привязывал это решето канатами к верхним стропилам клуни и приступал к работе. На решето деревянной лопатой он насыпал из кучи порцию зерна и придавал решету вращательное движение. При этом через отверстия решета просыпалась вниз всякая мелочь, а сверху скапливалась солома и необмолоченные колосья. Все это снималось руками и сбрасывалось. Вращение и очистка продолжались до тех пор, пока зерно не становилось чистым. Тогда он его снимал и засыпал новую порцию. И так весь световой день. Работа была очень тяжелой, но она неплохо оплачивалась. Так он работал у окрестных крестьян осенью и часть зимы. К сожалению эта работа была только сезонной.

Занимался он и извозом – возил людей и товары на базар. Он был признанным авторитетом у окрестных крестьян по части лошадей. Нередко крестьяне обращались к нему, как

к консультанту, при покупке или продаже лошадей. Лошадь в те времена стоила примерно пять рублей. Естественно, услуги его были платными – пятьдесят копеек за купленную лошадь.

В свободные от базара дни отец запрягал лошадь и ехал по окрестным деревням. И здесь он выполнял различные услуги. У кого-то, например, свежевал павшую лошадь, у кого-то покупал небольшое количество зерна для перепродажи, вправлял всевозможные вывихи, – тогда это называлось костоправ.

Запомнился мне еще один заработок отца. Однажды один из наших соседей по имени Хаим, который промышлял торговлей лошадьми, предложил отцу, как знатоку лошадей, поехать с ним сроком примерно на две недели в Таврию (Крым), где лошади были дешевыми из-за голода в тех местах. В дороге за купленным табуном надо было ухаживать и отец поехал с Хаимом. Взял отец у Хаима аванс 3 рубля, отдал маме на расходы и уехал. Поездка была очень тяжелой и только через три недели отец к вечеру ввалился домой и свалился спать. Ночью кто-то с такой силой ударил в окно, что стекло вылетело. Случилось непредвиденное – конокрады угнали весь табун. Несмотря на чрезвычайную усталость отец с Хаимом бросились в погоню. Вскоре начали появляться одна за другой брошенные конокрадами лошади. Конокрады стремились как можно дальше за ночь уйти от Ивановки, а лошади, измученные длинной дорогой и предыдущим недоеданием стали приставать и их стали бросать прямо по дороге. Однако большинства угнанных лошадей они не оставили. Пришлось дать объявления во все ближайшие волости об обнаружении прибудных лошадей. В результате все, кроме одной падшей лошади, были найдены. Но расходы по поиску лошадей: объявления, оплата за содержание найденных лошадей и другие услуги были настолько велики, что у Хаима и отца не оказалось никакой прибыли. И к тому же, более месяца отец не работал и семья оказалась совсем без денег. Пришлось отцу просить у своих постоянных клиентов, зажиточных крестьян, аванс за будущие работы.

Мои братья и сестры

А время идет. Старшие дети подросли, и отец уже не в состоянии прокормить такую большую семью. Из дому ушли мои старшие три брата. Старший Мотл ушел первым – пешком, с буханкой хлеба в город Елисаветград, который был от Ивановки в девяносто верстах (*около 100 километров*). О том, что с ним произошло, я узнал уже намного позже. Там он устроился сторожем магазина и женился. У него было трое детей – два мальчика и одна девочка. После революции в городах развился страшный бандитизм и при грабеже магазина, который охранял Мотл, его убили. А о судьбе Муни я так ничего и не узнал. Он как в воду канул. Родители объясняли их молчание тем, что они были неграмотными. Я так не думаю – могли же они кого-то попросить написать родителям пару строк. Это видно на примере подлого письма, которое позже получили родители как бы от своего среднего сына Юкла.

Когда Юкл немного подрос, к тому же он был относительно грамотным, его устроили работать приказчиком (а точнее мальчиком на побегушках) в бакалейном магазине в тридцати километрах от дома. Там он жил и работал. Спустя некоторое время родители получили письмо. В этом письме сообщалось, что он, Юкл, тяжело заболел, да так сильно, что сам и письма написать не может, и он хотел бы перед смертью повидаться с родителями. А тут как назло наша лошадь была больной и пришлось нанимать подводу. Выехали очень рано и приехали к открытию магазина. Оказалось, что Юкл не болел и письма такого не писал. Впоследствии выяснилось, что один из наших соседей, повздорив с отцом, решил таким образом отомстить ему. Значит, при желании, можно было попросить кого-то написать и почта тогда работала.

А что же сестры? Надо было чему-то их учить. Решили родители научить их шить. Для этого нужна была швейная машинка. Стоила тогда такая машинка фирмы Зингер 3 рубля (для

сравнения лошадь стоила 5 рублей). Таких денег в семье не было и пришлось купить ее в кредит с выплатой ежемесячно по одному рублю. Как пользоваться машинкой сестер научил агент по продаже этих машин. Но надо было еще уметь шить, а этому учить их было некому. Так что практический эффект от приобретения этой машинки был мизерный. С грехом пополам они чему-то сами выучились и кое-что шили себе и нам. Очень редко им приносили заказы крестьянки из окружающих деревень. Так что приличными портнихами они так и не стали.

Время шло, они подрастали и становились уже невестами, а одеть их было не во что. Мама потихоньку плакала, но что родители могли сделать? Отец вовлекся в описанную выше авантюру с покупкой лошадей в Таврии, но что из этого вышло вы уже знаете. С целью заработать хоть какие-то деньги, чтобы одеть девочек, мама включилась в мелкую торговлю. Заняла у соседей немного денег. За речкой у нас стояло село Ярошевка. Мама стала закупать там по дюжине цыплят и носила их продавать служащим сахарного завода в другом селе. В первый раз, в дороге двое цыплят задохнулись, так что первая торговля оказалась с убытком в 5 копеек. После такой торговли в доме стояла ужасная атмосфера. И все же решили не сдаваться. В следующее воскресенье дела улучшились, и мама уже заработала целых 25 копеек. После такой удачной коммерции настроение в доме улучшилось.

Учеба у директрисы

Однажды жена директора завода заинтересовалась, почему это еврейка занимается такой мелочной торговлей.

Мама поделилась с ней своими бедами. Девочки невесты, а одеть их не во что, а тут еще сын подросток. Его надо учить и опять же для этого нужны деньги. Эта сердобольная женщина решила помочь маме. Она ей предложила: «Приведите своего мальчика, и я буду учить его русскому языку».

Так я впервые оказался в богатом, невиданном мною раньше, доме. Когда я первый раз пришел, то остановился на пороге, как вкопанный. Как можно ступить грязными босыми ногами на крашенный до блеска деревянный пол? До этого я видел только полы земляные. Я остановился в нерешительности. Вошла хозяйка. Взяла меня за руки и повела меня по большой квартире. В квартире было много красивой мебели, но больше всего меня поразили блестящие чистотой полы. Директриса завела меня в одну из комнат. Потом я узнал, что хозяйка завела меня в кабинет директора. Она села к письменному столу, а мне предложила сесть в кресло, стоявшее рядом. Я уселся в невиданное мною раньше сооружение, и она стала выяснять, что же я знаю.

В этой комнате продолжалась моя учеба все лето. Она меня многому научила, за что ей огромное спасибо. Кое-что запомнилось и до сих пор. Как правильно следует писать слово медведь? В те времена в русском алфавите была буква «ять». И в отдельных словах для начинающих была неопределенность, где следует писать букву «е», а где «ять». Вот один из ее примеров. Слово медведь надо писать через букву «е», потому, что медведь любит мед.

Хочу описать то, что запомнилось мне в этом сказочном, добром для меня доме. Семья по тем временам была небольшой. Кроме собственно бездетных хозяев, в доме жили еще сестра хозяйки и еще молодой человек – инвалид. Перемещался инвалид на костылях, так как у него была здоровой только одна нога, а вторая безжизненно свисала. Как-то во время занятий в комнату зашел директор, уселся на подлокотник кресла, где сидела его жена, и начал ее целовать. Она смутилась и говорит ему, что такие нежности не приличны в присутствии мальчика. *(По всей вероятности папе было тогда лет шесть. Ему, не видевшему в своей жизни ласки, это проявление чисто человеческого чувства врезалось в память до самой старости).*

Учеба у этой женщины продолжалась до наступления холодов. С наступлением холодов и грязи, я уже не мог идти в другое село, так как у меня не было подходящей одежды и обуви.

Юкл женится

Тем временем Юкл решил жениться и получить приданное, которое позволило бы ему приобрести свой собственный продуктовый магазин. Возникает вопрос почему продуктовый? А потому, что он с самого раннего детства был приказчиком в бакалейном магазине и научился торговать продовольствием. Несмотря на то, что он был красивым статным парнем и довольно грамотным, по тем временам, да и женихов в нашем селе было мало, невесты ему в нашем селе не нашлось. Тогда он уехал в местечко Златополь к довольно зажиточному брату нашей мамы. *(К сожалению в папиных воспоминаниях нет не только фамилий, но и имен никаких из наших родственников).*

У этого нашего дяди была дочь – невеста. Это была некрасивая, но умная и довольно развитая девушка. Отец обещал ее жениху сто рублей приданного. Это тогда были большие деньги и впоследствии на них Юкл купил довольно большой бакалейный магазин *(Бакалея – это продовольственные товары: крупа, мука, соль, чай, кофе, пряности и др.)*.

Но для женитьбы требовалось согласие родителей жениха. Однако, согласия на женитьбу сына отец не дал. Отказ был вызван тем, что согласно законам иудаизма дети в семье имеют право жениться только тогда, когда предыдущий по возрасту ребенок уже был женат или вышла замуж. А у Юкла была старшая сестра-невеста Сарра. Несмотря на отказ, дует дяди и Юкла «оружия не сложил». Отец невесты уехал и вскоре вернулся с известием, что он нашел хорошего жениха для Сарры. Он по профессии сапожник и согласен взять Сарру без приданного, которого у папы не было. И тут снова препятствием стал закон иудаизма. Так как отец был коэн, то у него в роду не должно было быть ремесленников. *(Коэн – жрец, совершавший культовые служения в Храме. Коэны являются только потомками первосвященника Аарона).* И снова будущий тесть Юкла нашел выход. Он заявил, что отец его неправильно понял, и что жених Сарры не сапожник, а хозяин большой сапожной мастерской. Позже, когда жених Сарры приехал из города Смела и привез своей невесте богатый подарок в виде золотых часов с золотой же цепочкой, отец сдался. Тут же одновременно сыграли две свадьбы, и новая супружеская пара уехала в город Смелу, а Юкл стал хозяином бакалейного магазина. Теперь в нашей землянке остались двое детей – сестра Рахиль и я.

Я в «детстве»

В заглавии детство взято в кавычки, так как его у меня не было.

После того, как я описал жизненный путь своей семьи насколько у меня сохранилось в памяти, перейду к описанию своего детства. И можно ли назвать мое детство «детством»? Это было голодное, безрадостное время. Хоть меня родители и любили, как мезиника, но ласки я был лишен. Я не помню детских игр, и у меня не было друзей. Может быть еще и потому, что примерно лет в восемь меня поразил недуг. Тогда его в народе называли лишаем *(Правильное название – псориаз или чешуйчатый лишай – болезнь хроническая, но не заразная)*. Может быть и поэтому дети, под влиянием их родителей, меня сторонились. Вначале эти розовые чешуйки появились на локтях, а затем перекечевали на руки. Пораженные места не болели, но чесались. Что еще важно – мне было стыдно моих красных рук.

Надо было лечиться, но ближайшая больница была примерно на расстоянии 8 км от нашего села. Однажды отец посадил меня на телегу и повез в больницу. По дороге он мне говорит: «Хорошенько присматривайся к дороге, так как в последующем будешь ходить в больницу сам. У меня для этого не будет времени, так как мне надо будет работать». В больнице меня осмотрел фельдшер и прописал мазь, которую тут же и изготовили. Мазь была бесплат-

ной, но за каждой дозой надо было еженедельно приходить в больницу до начала приема больных, к 7 часам утра.

Несмотря на то, что прошло столько лет, я с ужасом вспоминаю те дни, когда еще в темноте мама будила меня, чтобы я шел в больницу за очередной дозой мази. В особенности мне было страшно в первые дни. Я даже не знал, по той ли дороге я иду. Дорогие! Представляете себе восьмилетнего еврейского мальчика, буквально бегущего по темной дороге? Иду и все время плачу. А тут еще приходилось проходить мимо костра деревенских мальчишек, пасших лошадей. Увидев меня, они с улюлюканьем поднимали крик: «Жиденок, жиденок!» и делали вид, что бросаются за мной в погоню.

За этой мазью я долго ходил и в осеннюю грязь, и в жестокий мороз. А ходил потому, что мне было стыдно моих красных рук. В конце концов я понял, что мазь эта бесполезна и перестал за ней ходить.

Обстоятельства с учебой у меня были не лучше, чем с лечением. Когда я подросток меня определили в хедер. (*Слово хедер на иврите – комната. Это традиционная еврейская школа для мальчиков в Восточной Европе и России*). В хедере учили только молиться и не учили русскому языку. Годовая стоимость обучения в хедере была равна всего трем рублям, но у отца и этих денег не было. Оплату за мое обучение взяла на себя наша еврейская община. (*В этом нет ничего необычного. В обязанности общины по Талмуду входит оплата общиной начального религиозного образования немущих членов общины. В Талмуде есть раздел правовых положений иудаизма*). Взять-то она взяла, но платила она по 50 копеек ежемесячно и не аккуратно.

После очередной ежемесячной неуплаты учитель хедера – меламед брал меня за руку и выводил на улицу с напутствием: «Иди домой и придешь, когда мне за тебя заплатят». И так повторялось часто. Как-то меня позвали к самому богатому человеку в нашем селе – хозяину магазина. В магазине кроме хозяина Мэира был еще и наш раввин. Они стали меня экзаменовывать по Торе. Из-за моих вынужденных пропусков занятий я, естественно, на многое не смог ответить. Этот экзамен и все что произошло потом, я запомнил на всю жизнь. Раввин и говорит Меиру: «Разве у Лейбы может быть прилежный ученик, знающий Тору?» Я заплакал и говорю им: «Как я мог хорошо учиться, если за меня неаккуратно платили и меламед меня постоянно отправлял домой?». Такой ответ явно не понравился экзаменаторам.

Когда вечером отец вернулся домой, я ему со слезами рассказал все о том, что со мной случилось. Отец мне сказал: «Бедному человеку от богачей не следует ждать ничего хорошего». Впоследствии всю жизнь я пытался выбраться из бедности. Больше я в хедер не ходил.

Земская школа

Очень близко от нас находилась земская школа. Эта школа была бесплатной, и я начал ходить в эту школу. В школе преподавали начальную грамоту, чтение и закон Божий. В этой школе я был единственным евреем.

Что мне запомнилось в этой школе? Во-первых, запомнилось как меня во время школьного перерыва избивали. Дело было так. Как известно, христианский закон Божий состоит из двух частей: Ветхого завета – Торы и нового завета – Евангелия. В один из дней на вопрос священника по Ветхому завету мой сосед по парте ответить не смог. Я же знал ответ на этот вопрос по хедеру. Я и вызвался ответить. Мой ответ понравился священнику. Он и говорит мне: «Накрути уши своему соседу, который не знал ответа». Я указание священника выполнил. Ну, а на перемене группа друзей моего соседа хорошо меня поколотили. На следующих занятиях я уже не вызывался отвечать, и от этого уже у меня болели уши от нравоучений священника.

Запомнился ответ этого простого деревенского священника на мой вопрос: «Вот вы говорите, что Бог будет карать людей, не соблюдающих законов Священного Писания. Как же это может быть, если наш раввин говорит, что существует только один Бог, Бог-Торы, а вы говорите, что есть только Бог христианский?» На что простой деревенский священник ответил: «Бог один. И судит Он не по словам, а по делам вне зависимости от веры».

А меня уже тогда в раннем детстве мучил вопрос: «Почему в жизни такая несправедливость?» Почему другие дети живут хорошо, а я плохо? Они не голодают, хорошо и тепло одеты и обуты, у них есть возможность без проблем ходить в школу, у них нет такой болячки, как у меня? То что я плохо живу было бы понятно, если бы отец мой был лентяем, каких я видел в нашем селе, но папа работал тяжело с утра до темноты.

Мои первые заработки

Когда я немного подрос, я решил самостоятельно выбиться из нужды. К тому же отец от непосильной работы стал довольно часто прихварывать. Но как это сделать? Я бы тоже пошел в приказчики, но кто меня возьмет с такими красными в лишаях руками? Не важно, что эта болезнь не заразная.

И я пошел в усадьбу помещика наниматься на любую работу – лишь бы платили. Управляющий смерил меня взглядом и говорит: «Нет у меня для тебя работы. Слишком ты мал, да и ростом не вышел» (а я действительно не высокого роста и сейчас, а тогда по сравнению с одноклассниками был совсем маленький).

А я стою и не уйду. Мне работа хоть какая-нибудь нужна, а больше идти некуда. Управляющий снова ко мне: «Что ты тут стоишь? Ты мешаешь мне работать». Я еще раз попросил у него работы, так как она мне очень нужна. Он смилостивился и говорит: «Иди на ток (место где производился обмолот зерновых) за церковью, а я туда скоро приеду. Если ты сможешь носить снопы и укладывать их в копны, то я тебе дам работу, а другой работы у меня нет».

Спустя некоторое время он приехал и, как сейчас говорят, провел со мной инструктаж. Что это за работа, которую мне предстояло делать? После покоса на поле оставались на земле скошенные стебли зерновых. В те времена в России и на Украине скошенные зерновые только женщины вязали в снопы. Сноп представлял собой охапку стеблей в обхват величиной и связанный скрученными стеблями. По мере работы на поле оставались разбросанные снопы. Затем из пятнадцати снопов собиралась копна. Копна – это временное хранилище снопов до их вывоза на ток для обмолота. Копна представляла из себя что-то наподобие шалаша. Снопы в слегка наклонном положении собирались вместе, а сверху на них распластывался еще один сноп, так называемая «шапка», для защиты снопов от дождя. Шапка должна была быть правильно уложена, в противном случае приказчик работу не засчитывал, а это целых 5 копеек.

Казалось, что эта работа для меня с моим небольшим ростом была невыполнимой. Приходилось идти на хитрость. Перед тем, как приняться за установку шапки, я укладывал сноп перед копной и использовал этот сноп как ступеньку. Копны устанавливались не хаотично, а рядами для облегчения их вывоза. Итак, я приступил к работе. Пока снопы лежали вблизи будущей копны, то поднос их занимал немного времени. Хуже было, когда снопы лежали далеко. И я понял, что если буду носить по одному снопу, то очень мало заработаю. Стал я носить по два снопа за один раз. И вот однажды, когда я носил по два снопа, ко мне на бричке подкатил сам помещик. Трудно вам передать тот страх, который я испытал. Посмотрел на меня и приказал идти на ток. Я и пошел, будучи уверенным, что он меня уволит. Пришел и слышу разговор между помещиком и управляющим.

Помещик: «Еду я на бричке и вижу по полю идут два снопа без человека. И когда я подъехал вплотную, то только тогда увидел, что их несет этот малыш. В обед награди его целой селедкой, вместо половины, которая полагается рабочим».

В этот раз я после испуга испытал огромную радость. Вечером я приплелся домой не чувствуя ни рук, ни ног, но очень довольный собой. Ввалившись в дом, я тут же свалился спать, не ужиная. Оно и не мудрено, так как за обедом на току вместе с остальными рабочими, может быть в первый раз в жизни, я наелся досыта. Кроме селетки было вдоволь вкусного ржаного хлеба. Так что я еще домой принес часть селетки и большой ломоть оставшегося от обеда хлеба. Итак, дома на одного едока стало меньше.

По окончании уборки хлеба, как хорошо зарекомендовавшего себя работника, управляющий взял меня на работу в амбар. (*Амбар – простейшее зернохранилище*). В амбаре мы перелопачивали зерно в кучах, чтобы оно не зацвело. Работа заключалась в следующем. Деревянной лопатой набирали зерно и бросали его вверх и как можно дальше. За эту работу платили взрослым по 30 копеек в день без питания, а детям по 20 копеек.

Потом работал в бригаде по копке свеклы. Взрослые копали, а я обрезал ботву.

Но вот работа для меня закончилась, и я получил полный расчет. Надо отметить, что управляющий ко мне очень хорошо относился и оплатил мне наравне со взрослыми, хотя на очень тяжелую работу он меня не посылал. Мне кажется он это делал потому, что я был у него единственный еврей да еще и ребенок, а работал я не хуже взрослых. Оплатил он мне по 22 копейки в день. Так что я принес домой целых 12 рублей и 50 копеек.

При таких деньгах я стал настоящим богачом. По словам отца, за эти деньги можно было купить тогда упряжку из пары хороших лошадей. Теперь, когда у папы не было денег купить муки или еще чего-нибудь он занимал у меня. Папа всегда возвращал мне занятые деньги. Прежде, когда я ходил в школу, папа давал мне грош (половина копейки), и я на нее покупал халву, так как я ее очень любил. Теперь же, когда у меня завелись собственные деньги, я их на халву не тратил и у папы не просил. Лакомились мы зимой квашенными маленькими арбузами, которые отец покупал осенью по 50 копеек за сотню.

Наступила следующая весна, и я снова пошел к управляющему проситься на работу. Сразу он меня не взял, но велел прийти через две недели на переборку картофеля перед посадкой. Ура! Я снова работаю! После этой работы я еще поработал на посадке картофеля. Девушки копали ямки, а я в них вбрасывал картофелины. После этой работы управляющий выдал мне 3 рубля и 20 копеек и велел прийти только тогда, когда начнется уборка хлебов.

Так как в хедер я больше не ходил, а земская школа с начала лета не работала, то я попросился к папе в помощники. Отец сидел на подводе, а я управлял лошадьми. Каждый четверг папа возил пассажиров на базар. Обычно, когда были пассажиры, он брал с каждого из них в оба конца по 20 копеек. За эти деньги он покупал пуд муки, и семья была обеспечена хлебом на всю неделю. (*Напомню, что в те времена хозяйки пекли хлеб дома в русских печах*).

Кроме того у отца оставалось десять копеек на махорку. (*Махорка – самый дешевый вид курительного табака*). К сожалению, не всегда были пассажиры.

Опишу еще один свой вид заработка. Как я уже писал раньше, отец еще занимался костоправством. Однажды крестьянин привел мальчика с просьбой вправить ему руку, которую он вывихнул при падении с дерева. Так как это было в четверг, крестьянин предложил отцу вместо оплаты за лечение, принести рыбу на субботу, которую он собирается уловить ночью. Это предложение навело меня на мысль как еще заработать. Каждую пятницу я рано утром начал ходить вдоль реки и скупать рыбу у рыболовов. Потом я эту рыбу продавал и себе тоже оставлял на субботу. Этим промыслом я занимался несколько лет и неплохо заработал. Ко времени женитьбы Юкла у меня уже было семьдесят рублей. И когда после женитьбы он на деньги при-

даного купил продовольственный магазин, то я ему даже одалживал деньги на закупку товара. Иногда я помогал ему в торговле. *(Обратите внимание. Деньги лежали дома и никакой инфляции).*

Первое собственное дело

Как-то Юкл говорит мне, что в соседнем селе продается маленький продовольственный магазин. Продавала хозяйка магазин потому, что она вышла замуж и уезжает к своему мужу. Мы с Юклом поехали посмотреть и договориться. Магазин был расположен в удобном месте рядом с «монополькой». *(В те времена царское правительство установило для себя исключительное право на продажу населению винно-водочных изделий. В народе магазины по продаже этих изделий назывались «монопольками»).* Мы с хозяйкой договорились, и я стал впервые владельцем собственного дела. В начале Юкл помогал мне и даже привозил товар, который он заодно покупал и себе, но за услуги брал с меня деньги. Я и этим был доволен.

У меня появился устойчивый заработок, и я смог помогать семье. Мы даже приодели мою младшую сестру – невесту. Отец же за всю свою жизнь своим непосильным трудом такого заработка получить так и не смог. Недаром есть русская поговорка: «Трудом праведным не наживешь палат каменных». К тому же к этому времени отец стал много болеть.

Однако, относительное благополучие длилось недолго. Началась Первая мировая война и Юкла призвали в армию, а потом и на фронт. После мобилизации Юкла дома у него осталась жена с малолетним ребенком.

Теперь уже мне пришлось ездить за товаром для обоих магазинов. А поездка эта и приобретение товара занимали много времени. До города Шпола, где мы закупали товар оптом, было 30 км только в одну сторону, так что вся езда туда и обратно занимала более 10 часов. А еще приобретение и упаковка товара в нескольких магазинах занимали около четырех часов. Несмотря на то, что я выезжал в 6 часов утра, домой я возвращался около 8 часов вечера. Но это еще не все. Дома надо было еще отделить мой товар от товара брата, расставить товар брата по местам, накачать керосин в баки и выполнить ряд других необходимых работ, так что домой я возвращался к 12 часам ночи.

После этого я уходил ночью в село к моему магазину, а это было довольно страшно, несмотря на то, что я уже был взрослым парнем. *(Привожу слова папы дословно, так как они характеризуют мировоззрение молодежи тех времен: «Ночью было страшно, так как по ночам летают ведьмы на кочерге. Такие представления были в маленьких местечках и селах. Дорогие, подумайте – такая отсталость. Вы наверное не поверите мне, но так было»).* А идти надо было, чтобы мою лавчонку не обокрали. И все же когда я приходил домой, несмотря на большую усталость, я был счастлив. Семья теперь жила в достатке, чего раньше не было.

Через некоторое время домой возвратился Юкл после ранения. Пуля вошла ниже локтя и вышла выше, так что длительное время рука не разгибалась, и я целых три года все тяжелые работы делал за двоих, но молодость все выдержала.

С тех времен запомнилось мне одно очень радостное событие. Как вы уже знаете, я родился и вырос в землянке. И вот представился случай купить дом. Представляете нашу радость – оставить землянку, в которой я прожил более двадцати лет, а родители почти всю свою жизнь и переехать в настоящий украинский дом, да еще с вишневым садиком за окном. Кроме того, дом стоял в очень красивом месте. Сразу за домом был большой луг, на котором стояла церковь, а чуть дальше – усадьба того помещика, у которого я начинал работать в детстве.

После землянки с одной единственной комнатой на восемь человек, которая была и столовой, и спальней, и кухней с огромной, чрезвычайно нужной русской печью, вселиться в настоящий дом. Опишу это мое замечательное приобретение. В доме была большая столо-

вая квадратных метров двадцать пять, спальня метров двенадцать и большая кухня – метров двадцать, – половину которой занимала необходимая русская печь. Пол, как и во всех украинских хатах, был земляным. Под одной крышей с домом был большой сарай. Заплатил я тогда за все это добро тридцать рублей. Вся наша семья была в огромной радости и в особенности моя сестра Рахиль.

Но счастье было недолгим – умирает мой отец. Умер он совсем молодым, без единого седого волоса, и я даже не знаю, сколько ему было лет. Я даже думаю, что он и сам не знал своего возраста. Когда он умирал, у его кровати собралась вся наша семья: мама, я и Рахиль. Мама плакала и причитала: «На кого ты нас оставляешь?». А отец уже не мог говорить. Он протянул руку и показал на меня. Так кончилась его жизнь, в которой у него не было совсем светлых дней.

После смерти отца

После смерти отца мы остались втроем. Сестра подросла и ее надо было выдать замуж. А для этого надо было ее приодеть, приготовить приданное и подыскать жениха. Юкл наотрез отказался в этом принимать какое-либо участие. Из-за этого мы с ним сильнейшим образом рассорились.

Наконец, нашелся хороший парень, по профессии кузнец. Опять же ремесленник, но возражать против этого брака уже было некому – папа умер. Жених потребовал приданного в тысячу рублей и организацию свадьбы за счет невесты. Все это я взял на себя, так как Юкл в этом участвовать отказался. Он даже отказался прийти на свадьбу, чем довел маму до слез. Благодаря убеждениям и даже угрозам наших родственников, он на свадьбу все же пришел, и мама успокоилась. После свадьбы жених увез свою молодую жену к себе в Новоукраинку. Я остался вдвоем с мамой.

О произошедших февральской и октябрьской революциях в нашем окружении никто не знал.

Бандитизм

О том, что рухнула царская власть, а вслед за ней и временное правительство, мы практически узнали только с появлением различных банд.

Современному читателю невозможно поверить в это, но это было так. Банды были более осведомлены, что в стране полное безвластие. Банды тогда были небольшими и в основном из окружающих сел. Эти банды грабили и убивали евреев везде, где могли. С наступлением темноты все запирались по домам, потому что было очень опасно выходить.

В конце концов евреи села на собрании решили приобрести огнестрельное оружие и организовать ночную охрану села. Дежурство осуществляли по очереди. В одну из ночей бандиты, увидев наш патруль, открыли по нам огонь. Мы же залегли за забором и начали отстреливаться. В конце концов перестрелка затихла и бандиты ушли.

На утро выяснилось, что банда из шести человек была из соседнего села. А выяснилось это так. В ночной перестрелке мы ранили одного из бандитов, а через него вышли на всю банду. Староста села собрал сход и над ними всеми совершили страшный самосуд. Это была жуткая картина. У нас поговаривали, что в этом деле был замешан и сам староста, поэтому он и устроил это судилище, чтобы замять свое участие в ночном налете.

Хуже стало для евреев, когда появились бандитские формирования в виде небольших воинских частей. Эти банды занимались грабежом и убийством в открытую. Они появлялись

среди белого дня, как правило на лошадях, и начинали убивать попавших им под руку евреев и грабить, грабить, грабить.

Так едва не случилось и со мной. Я был где-то по делам, как неожиданно, словно снег на голову, по селу промчалась банда. Надо где-то спрятаться. Невдалеке стоял полуразрушенный амбар, а под ним был подвал. Здание давно не использовалось по назначению, и оно служило отхожим местом. Я бросился в подвал, а там уже пряталась семья с детьми. Сквозь дыры в амбаре мы слышали крики убиваемых людей и безостановочную стрельбу.

Когда над нашей жизнью нависла непосредственная угроза, нам с семьей брата пришлось бросить все нажитое и уйти в местечко Калигорка, куда отец возил пассажиров на базар. Маму пришлось оставить, так как она бы не осилила эту дорогу. К тому же, она осталась жить в нашей старой землянке, а какому грабителю придет на ум искать ценности в убогой землянке.

Я оставил ей немного денег, и мы ушли в чем были одеты, только взяли с собой все наши деньги. Пришли мы в Калигорку ночью. Не успели мы обосноваться на новом месте, как к Калигорке стал приближаться отряд чеченцев. Для переговоров с ними евреи Калигорки выбрали делегацию. Делегация, как принято в тех местах, встретила отряд хлебом и солью. Вместо переговоров отряд первым делом раздел делегацию и крепко избил. Затем начался поголовный грабеж еврейских домов. Так как мы были чужими здесь, то грабить у нас было нечего. Были только деньги, которые мы принесли. А куда их можно было спрятать? Мы растелили на полу пальто, на нее уложили жену Юкла, обвязали ее голову тряпкой, а деньги она спрятала в бюстгальтере. Когда в дом ворвалась группа чеченцев, Юкл сказал им что у жены тиф. Но они заявили, что тифа они не боятся. Они ее обыскали, забрали деньги и ушли. На этом, слава Богу, все кончилось. А в тех случаях, когда они не находили ценностей, то избивали хозяев до полусмерти.

Оставаться в Калигорке не было никакого смысла. И мы снова, уже без копейки денег, пошли пешком в город Шпола. До Шполы было тридцать километров и ребенка мы несли по очереди. *(Обратите внимание, как папа знал эту местность. Из его тетрадей видно, что он многое позабыл, а вот расстояния между населенными пунктами, которые он исколесил, у него сохранились в памяти спустя более чем через полвека).*

Шпола

В Шполу мы пошли потому, что это было единственное место, где нас знали местные жители, так как в былые времена мы закупали там оптом товар для наших магазинов, и к тому же там жило много евреев и было безопаснее, чем у нас.

И действительно, эти люди ссудили нас деньгами и разместили. Когда мы пришли в Шполу там было спокойно. А до этого там тоже испытывали бедствия от бандитских набегов. А произошло там вот что. В город вернулся парень, который до этого служил в петлюровской армии и занимал там довольно высокое положение. *(Петлюра – один из организаторов украинского националистического движения в 1918—1920-х годах).* Увидев, что петлюровцы ничем не отличаются от бандитов, грабя и убивая еврейское население там, где они проходили, парень оставил петлюровцев и вернулся к себе домой.

В Шполе он организовал квалифицированную самооборону. Провел всеобщую мобилизацию всего мужского еврейского населения. Мобилизации подлежали мужчины от 18 до 50 лет. Все мобилизованные прошли курс военной подготовки. Он приобрел для нужд самообороны достаточное количество винтовок. В отряде даже был станковый пулемет и одно орудие. Оборона была поставлена правильно. На всех подступах к городу были размещены круглосуточные посты. У него были даже разведчики. И город жил спокойно.

(Те люди, с которыми я делился мыслями в процессе написания этих воспоминаний, недоумевали куда эта семья шла и почему? Ответ прост. Они шли к людям – к своим одноплемен-

никам, туда где их было много, и они могли постоять за себя. А в самой Ивановке евреев было ничтожное количество, да и, по всей видимости, – «голь перекатная», что видно хотя бы из того, что вся община с большим трудом собирала 50 копеек в месяц для уплаты меламед за обучение папы).

В Шполе надо было устроиться на работу, а ее не было. Мы оказались в таком положении, что не в состоянии были даже хлеб себе купить. И снова наши бывшие партнеры помогли нам. Они нам дали ссуду, на которую мы купили упряжку лошадей и загрузили ее мешками с сахаром. По их рекомендации мы повезли этот сахар в большое местечко Добровеличковку, где жило большое количество евреев. До Добровеличковки было расстояние в шестьдесят пять километров. Поездка в те времена, когда кругом шныряли банды, была чрезвычайно опасной, но надо было ехать. Наши благодетели рисковали своей ссудой, а мы жизнью.

Выехали вечером, а приехали уже утром, но благополучно. В Добровеличковке мы сахар продали и на эти деньги купили там две бочки подсолнечного масла (растительное масло из семян подсолнуха). Вернувшись в Шполу, мы это масло продали. Эти разъезды продолжались почти целый год. Одно время к нам присоединился муж нашей младшей сестры Рахили. Хотя он был кузнецом, но работы у него не было. За это время мы расплатились с займодавцами, и еще у нас появились и свои деньги.

Но пришло время, когда ездить стало смертельно опасно из-за банд, и нам пришлось осесть в Добровеличковке. Так как денег у нас с Юклом было мало, чтобы открыть свой магазин, мы взяли еще одного компаньона. Пока в нашем сообществе было только две семьи, а я был холостяком и питался только молоком и хлебом, доход от магазина покрывал наши потребности. Из одежды у меня был один-единственный хлопчатобумажный костюм и полупальто. В это время была сильнейшая инфляция, и расчеты велись на миллионы. Приведу для вас пример. Если, скажем, сегодня можно было купить килограмм хлеба за один миллион, то завтра, за эти же деньги, можно было купить уже только 900 грамм.

На этих строках систематизированные записи папы обрываются. В дальнейшем разрозненные его воспоминания я буду включать в воспоминания мамы и мои.

Воспоминания мамы о ее семье и их жизни в Добровеличковке

О моих предках Ферман

Ферман – это фамилия моего отца и моя фамилия. После замужества я не перешла на фамилию моего мужа – Янкелевич.

Ветвь Ферманов (родственников моего отца) жила в местечке Добровеличковка, которое в простонародье называлось Ревуцьк, очевидно, по фамилии помещика, владевшего этой землей. *(Местечком назывался поселок с торгово-ремесленным населением в царской России. Как пишет википедия, поселок городского типа Добровеличковка является географическим центром Украины. При въезде в поселок установлен камень – памятный знак на месте географического центра. Поселение возникло во второй половине 18 века. Согласно легенде здесь поселился беглый крепостной кузнец Величко. Выросший со временем хутор стал называться Добровеличковка. В 1780 годах почти все земли вокруг хутора становятся собственностью помещика Ревуцкого. Рядом с Добровеличковкой выросло новое поселение – Ревуцкое. Со временем этот поселок влился в Добровеличковку. Вблизи поселка протекает река Добрая).*

Здесь жило множество еврейских семейств, занимавшихся торговлей и ремеслом – кузнецы, колесники, портные и др.

Прадедушку Аврума-Янкеля Ферман и прабабушку Лею я живыми не застала. В их память мою сестру назвали по-современному Лизой, а позже родившегося брата – Абрамом. Как ни странно, у прадедушки было два родных брата, но с другими фамилиями Хмельницкий и Мусинский. История фамилий трех родных братьев такова. В то время у царского правительства существовал закон, по которому, если у еврея имеется несколько сыновей, то следовало одного из них отдавать в солдаты на двадцать пять лет. Если в семье был только один сын, то его в солдаты не брали. Их отец оказался неглупым человеком и разделил их, дав каждому отдельную фамилию. Очевидно, что кроме ума надо было иметь еще и достаточное количество денег, потому что в те времена необходимо было давать много взяток, чтобы осуществить такое разделение своих сыновей.

О судьбе Хмельницких и Мусинских сведений у меня нет. В те далекие далекие времена они жили в городе Константиновка.

У прадедушки Аврум-Янкеля было два сына – Герш и Ейлык. Все, что связано с семьей дедушки Герша, я опишу ниже, так как это и моя семья.

Дедушка Герш

Дом прадедушки Аврум-Янкеля, в котором жил и дедушка Герш, стоял на центральной улице местечка, которая называлась Первомайской, а потом Ленина. Улица была очень широкой, так как была продолжением крестьянского тракта.

Со всей округи крестьяне везли на базар товар на продажу, там же они приобретали для себя все необходимое. Запомнилась вот такая функция этого тракта. Крестьяне окружающих сел зимой возили для продажи на базар снопики соломы, как топливо для русских печей. Состоятельные люди такие снопики заготавливали осенью на всю предстоящую зиму, чего бедняки делать не могли. Они были вынуждены покупать мелкими порциями уже зимой. Так как

тракт проходил перед домами то такие бедняки, как дедушка, перехватывали подводы со снопами еще перед базаром. Этим перехватом были довольны все. Крестьянину не надо было ехать на базар, а беднякам не надо было тащить снопы с базара. С такими покупками покупатели иногда попадали впросак. Внутри снопиков часто были смерзшиеся куски льда с соломой. Иногда это случалось и у дедушки.

На нашей улице вначале стояли три добротных дома, принадлежавших хлебопромышленникам, а затем вплоть до дома дедушки были дома бедняков-кузнецов, которые подковывали лошадей, мастерские, где изготавливали и чинили подводы, делали колеса и многие другие предметы, необходимые крестьянам. За дедушкиным домом уже стояли дома зажиточных людей.

У прадедушки Аврум-Янкеля совместно с обоими его сыновьями Гершем и Ейлыком было одно общее дело – они торговали деревянным сельскохозяйственным инвентарем. Это были деревянные грабли, вилы, лопаты и разного рода держак. Если прадедушка и дедушка Герш жили в одном доме, то Ейлык приезжал из города Богополь, теперь это г. Первомайск.

Дом прадедушки был торговой точкой, так как, хоть и захудалый, стоял он на центральной улице недалеко от ее начала, что было очень важно для торговли. Обычно весь товар хранился на чердаке дома. В воскресенье весь товар раскладывался перед домом и начиналась торговля. Доходы от этой мелкой, да еще и одноразовой в неделю, торговли не могли обеспечить две семьи – Герша и Ейлыка. Дедушке Гершу надо было бы искать другие источники существования, но он этого не делал. Его невестка, моя мама, очень уважала дедушку, а может быть и жалела его. Она понимала ущемленность свёкра тем, что он не владел никакой мужской профессией.

В память об этих двух братьях моего младшего сына назвали Геннадием, а племянника, сына моей сестры Лизы, назвали Юлием.

Кроме торговли мужчины в местечке были портными, сапожниками, кузнецами, жестянщиками, колесниками, столярами, красильщиками, решетниками. Наименее квалифицированным ремеслом было ремесло решетника, просеивавшего зерно после его обмолота. Но и это ремесло ему не подходило. Для этого необходимо было иметь лошадь, подводу, для того, чтобы ездить по деревням, да и здоровье его не позволило бы ему заниматься этим трудом. Так получилось, что он был подсобником у своей жены, откуда и взялась у него ущемленность.

Дом прадедушки стоял в узеньком дворике и был разделен на две половины. В одной половине жил прадедушка, а во второй мой дедушка Герш. При мне половина дома, в которой раньше жил прадедушка, сдавалась в наем.

Постараюсь описать половину дома, в которой жил дедушка Герш. Вросший в землю домик стоял под железной крышей на отдельных столбах, как под зонтиком. Двор был очень узким, так что проезд был односторонний. Вход в дом был со двора. Я заметила, что во всех домах бедняков, чтобы войти вовнутрь, надо было, как минимум, спуститься на одну ступеньку вниз. Мне кажется, что это делалось для лучшего сохранения тепла зимой. Причем, я в этих домах не видела фундаментов. И еще. Наружная дверь открывалась вовнутрь. Это делалось для того, чтобы когда за ночь навалит много снега, а зимы были тогда снежными, можно было открыть дверь.

В квартире дедушки были три комнаты, кухня и сени.

Войдя вовнутрь, попадаешь в сени. Из сеней был вход на чердак, поэтому там стояла лестница и еще бочка с водой. Из сеней был так же вход на кухню. Сама кухня была малюсенькой и в ней было маленькое окошечко. Под окошечком стояла широкая скамья, служившая бабушке столом для приготовления пищи. В углу стояла бочка с водой – это было сырье.

Напротив входа стояла русская печь. Чтобы залезть на печь к ней был пристроен припечек. Припечек – это вмазанная в печь ступенька, позволяющая залезть на печь.

Из кухни была дверь в комнату. В комнате два маленьких окна (в доме все окна маленькие и возвышаются над землей не более чем на полметра), стол с двумя стульями и низенькая табуреточка у крана – для бабушки, когда она торговала кипятком. В комнате были еще буфет, длинный ящик, в котором бабушка в сезон хранила яблоки для продажи в розницу. В центре комнаты в потолок был вделан крюк. По всей вероятности, к нему в свое время подвешивалась детская кроватка – люлька.

Вход в большую комнату – зал – был тоже из кухни. В комнате было три окна. Два выходили на мусорник, а третье – во двор. У окон, глядящих на мусорку, стоял стол со стульями, большой полированный диван со спинками и буфет. С залом соседствовала спальня с двумя кроватями и одним окном, выходящем на ту же самую мусорку.

У входа в спальню был еще коридорчик, в котором стоял кованный железом запирающийся сундук. В этом сундуке, очевидно, хранились вещи для невесты – Бобеле. Платяного шкафа в квартире не было. Память о том, что вещи хранились в сундуках и ящиках, у меня осталась на всю жизнь. В одном из ящичков буфета в гостиной бабушка хранила свою праздничную одежду. Среди всего прочего там хранился очень красивый шелковый платок. Как-то я решила покрасоваться в нем. Только я выдвинула ящик, как мне почудилось, что кто-то идет. Я быстро задвинула ящик и прищемила себе указательный палец на левой руке. На пальце образовался сильный нарыв, но я никому не призналась в чем причина и боль переносила стойчески. Старый ноготь слез, а новый вырос деформированным на всю жизнь. Вот такой остался след от детских шалостей.

Высота комнат была настолько маленькой, что мама белила потолок прямо с пола. Пол назывался «доливкой». Утрамбованная земля густо покрывалась слоем глины. В чистой половине квартиры в раствор глины добавлялся порошок мумии. Так в простонародье называлась желтая краска в виде порошка. Пол, покрытый таким раствором, выглядел нарядно. К тому же пол покрывался хлопчатобумажными половичками, наподобие современных ковриков.

Интересна история этого дома под зонтиком.

Рядом с домом прадедушки стоял тоже очень старый дом с продовольственным магазином зажиточного человека по фамилии Шлема Грабовский. При странных обстоятельствах в этом доме произошел пожар. Кроме дома Грабовского сгорел и дом прадедушки со всем его деревянным товаром. Сохранились только глинобитные стены. На этом же месте решили построить новый дом, побольше. Воздвигли железную крышу под большой дом, но на сам дом денег не хватило, вот и остался домик как бы под зонтиком. Между новой крышей и старым чердаком остался большой просвет. Это было опасно, так как при сильном ветре могло снести крышу. Нашли выход – это пространство заполняли ржаной соломой. Солома должна была быть ржаной, так как она ровная. Кроме сохранения крыши эта солома утепляла еще и дом.

В то же время Грабовский на пепелище старого дома построил новый дом с шестью комнатами, с парадным и черными входами и, даже, невероятной для еврейского местечка ванной комнатой. У Шлемы в центре местечка был еще и галантерейный магазин. А в местечке ходили слухи, что пожар этот был не случайным, так как Грабовский свой старый дом застраховал. Этот Шлема очень много знал такого, о чем другие и понятия не имели. Сколько я помню, отец дружил с этой семьей, несмотря на слухи. Очевидно по принципу: «не пойман – не вор». Очень большая дружба была у отца и с их зятем Велвом Печенюком.

Интересна наследственность. Сын Шлемы по имени Илья проявил папину деловую хватку. После революции, когда всякая коммерческая деятельность преследовалась, Илья освоил доходную профессию – вылавливал бездомных собак. В Добровеличковке всегда бро-

дили своры собак. Они никого не трогали, не лаяли и их никто не боялся. Они только подымали страшный вой, когда сцеплялись. Тогда становилось страшно девочкам, а мальчишки за ними бегали и швыряли в них камни. Так вот, после революции предприимчивый Илья выловил и истребил всех бездомных собак.

(В начале этого повествования вы прочли воспоминания папы, где он без прикрас описывает землянку и нищенские условия, в которых он жил. Только что вы прочли о бедном доме дедушки. Вот что у мамы дословно записано о доме дедушки: «В Добровеличковке были убогие домишки, но такого убожества я не помню». Сравните папино жилье и только что описанный «домишко» деда Герша. Ведь и те, и другие воспоминания написаны обоими родителями уже на склоне лет. Вот как все относительно. Так что бедности бывают разными. И еще. Все это мама написала, пережив вынужденное изгнание из Добровеличковки, а затем и эвакуацию из Харькова, когда ее семья оставалась без крыши над головой).

Теплые слова о бабушке Эстер

Свою бабушку Эстер я запомнила маленькой, худенькой старушкой. Но я думаю, что это память ребенка. Учитывая, что мой папа умер в возрасте 37 лет в 1921 году, а также тот факт, что девушки тогда обычно выходили замуж рано, ей не могло быть более шестидесяти лет. Если она и выглядела старой, то ее преждевременно состарила жизнь. Муж не в состоянии был заработать на приличную жизнь семьи, и, поэтому, ей приходилось много работать самой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.